

Представления о беременности в севернорусских диалектах

диалектология, этнолингвистика, народная картина мира

In the article author analyses the concept of pregnancy in North Russian dialects.

Традиционная культура характеризуется неоднозначным отношением к беременности и к самой беременной. С одной стороны, беременность – это чаще всего счастливое, ожидаемое событие, с другой же – это опасный для женщины период, когда она буквально находится между жизнью и смертью. Такое отношение отражается в следующих высказываниях: *Жэньщина как тóлько начинáет носítть ребёнка, начинáет носítть за собо́й сме́рть. Со́рог днёй рожэни́ца хóдит одна́ нога́ на землэ́, друга́я над моги́лой.*

Такие высказывания имеют под собой как реальную основу (из-за отсутствия медицинской помощи при родах действительно умирало много женщин), так и мифологическую. «Беременность воспринималась как постепенное умирание будущей матери, что нашло свое выражение в многочисленных запретах и предписаниях для беременной, свидетельствующих о резком сужении ее жизненного пространства, о ее социальной изоляции» [МиБ: 56].

Наступление беременности расценивалось в основном положительно. В традиционной семье должно было быть много детей. Поэтому женщина, которая не может иметь детей, оценивается в народной культуре негативно: *неплóдная, бесплóдная, пустая, порóжня, порóзня, беску́рая*. Словом *ку́ра* в архангельских говорах обозначаются женские половые органы, таким образом, не имеющая детей женщина описывается как ущербная в физическом плане, как бы лишенная главного женского органа. Все признаки, характеризующие не имеющую потомства женщину, связаны с пустотой, ненаполненностью.

Наступление беременности описывается метонимически с помощью выражений *на живёе (мáленькие) но́жки, на живёе но́жки пойти́, понести́сь*. Внутренняя форма этих выражений может быть прочитана так: первые действия ребенка в утробе матери связаны с тем, что он толкается ножками, как бы давая знать о себе.

На физиологическом уровне наступление беременности представляется как прекращение менструации; в говорах менструация обозначается такими лексемами, как *наруба́шно, кра́сное*. Таким образом, наступившая беременность характеризуется как потеря *руба́шки, кра́сного: Ой, я-то веть руба́ху потеря́ла – забере́менела она́, кра́сное-то потеря́ла.*

Представления о беременности связаны с несколькими ведущими семантическими признаками.

Представление о беременности как о **тяжести** прочитывается в глаголах, обозначающих начальный этап беременности: *забере́менеть, оберéменеть, оберéмениться*, происходящих от корневой основы *беремя* со значением ‘тяжесть, ноша’. Тяжесть является одним из ведущих номинативных признаков и при обозначении беременной женщины: *тяжéлая, бере́менная, оберéменная*. Ребенок в материнской утробе воспринимается как груз, поэтому беременную называют *гру́зной, в грузу́, с гру́зом, в тя́гости*.

Беременность как **ношу** представляют обозначения ситуации с глаголами *понести́, понести́сь, заносítть*, которые фиксируют начальный этап состояния беременности. Глаголы *таска́ть, натаска́ть, пота́скивать, перетаска́ть* описывают беременность как ношение тяжести. Женщина как носительница состояния беременности может быть обозначена прилагательным *пони́сная*: *Хозя́йка пони́сна была́.*

Беременная носит ребенка положенный срок и *принóсит* его в мир, *принóсится*: *Запринóсила, и дóлго принóсила уш она́. Рожáт-то ны́не, а рáньше фсё принóсища*. Роды описываются как приношение ребенка в мир: *в́носы, принóс, принóсы*.

Таким образом, идея «ношения» ребенка реализуется на всех этапах ситуации: женщина *понесла́* ребенка, вследствие чего стала *пони́сной*, когда подошел срок, *запринóсила* и наконец *принесла́*.

Эквивалентом беременности в наивной картине мира служит ее физическое проявление - большой **живот** беременной женщины, поэтому наступление беременности описывается с помощью именного компонента *брю́хо* в составе словосочетаний: *брю́хо заkáзано, залóжэно, привязáлось, прильну́ло*. Забеременевшая *дéляется с брю́шиной, брюхáтит*, ее *пузáтит*. Приход в состояние беременности описывается глаголами *збрюхáтеть, обрюхáтеть, обрюхáтиться, обрюшнётъ, опузётъ, опузáтеть*.

По наличию большого живота беременная называется *брюхáтой, брю́шиной, пузáстой, пузáтой, пúзой*.

Одно из самых древних в народной культуре представлений – это представление беременности как **пути**. Беременная представляется посредницей между миром живых и миром мертвых, куда она «отправляется» за ребенком. Такое представление мы видим, например, в тексте заговора-обращения к домовому: *Бáтюшко-домовéюшко, привезла́ я нóвого челóвэчка*. Об этом же свидетельствует обозначение беременности как хождения: *Я уш ходи́ла* (беременная), *коровáшэз был – вóстро брю́хо. Я ходи́ла Тáней, нóги в́ышли ис ходи́л, не могу́ ходи́ть*.

Итак, представление о беременности в народной культуре связано с тремя ведущими номинативными признаками: тяжестью, ношей и большим животом; представление беременности как пути является архаическим и прочитывается лишь косвенно. Ведущие признаки, мотивирующие обозначения беременной женщины, состояния беременности и ее каузации связаны с образными представлениями, которые отражаются во внутренней форме наименований. Яркая образность связана не только со стремлением «зримо» представить описываемый объект, но и с табуированием состояния беременности.